

К.Д. Гордович

Своеобразие театрализации в художественном мире А.П.Чехова и Н.В.Гоголя

Вопрос о творческих переключках Чехова и Гоголя возникал неоднократно. Большая работа М. Семановой в «Чеховском сборнике» 1954 года посвящена этой теме. Особое внимание в статье уделяется тому, как молодой Чехов входил в гоголевскую атмосферу, использовал гоголевские образы¹. Другой исследователь Чехова – А. Чудаков – выявлял общность Чехова и Гоголя в обращении к вещному миру². В работе В. Катаева отмечается близость Чехова к Гоголю в соединении гротескности и психологизма, в особенностях использования повторов, в картинах «оживотнивания, оскотинивания человека»³. Исследователь акцентирует внимание на том, что Чехов не подражает Гоголю, а стилизует гоголевские интонации, приемы.

Н.В. Гоголь и А.П. Чехов в научных исследованиях и в учебных изданиях чаще всего рассматриваются как писатели-реалисты, величайшие мастера русской реалистической школы. Вместе с тем, - и это очевидно не только для специалистов, но и обычных читателей, - их произведения не укладываются в представление о традиционном реализме. Классический реализм постигает глубины человека, создает художественный мир, заставляющий забыть о том, что это не реальная действительность, а плод авторской фантазии. В мире Гоголя и Чехова все напоминает не столько реальность, сколько театральное действие, построенное на преувеличении, условности, игре. Все отношения между персонажами – игровые. Чувства театральны, они скорее играют, чем переживаются.

Чехов высоко ценил Гоголя-художника и в раннем творчестве, безусловно, выступал его последователем. Сопоставительный анализ я построю на выявлении особенностей игровых ситуаций. Именно ситуация становится

стержнем художественных экспериментов писателей. Перед читателем разворачиваются своего рода сценические этюды: ситуация любовного объяснения, ссоры, торговой сделки, взятки, званого обеда, общения с вышестоящим чиновником.

Начнем с ситуаций любовного объяснения. В реалистической психологической прозе любовные отношения – встречи, союзы, разрывы – становятся решающей проверкой героев. В произведениях Гоголя и Чехова эти отношения тоже принципиально значимы, но авторская задача совсем другая. Соответственно иной оказывается и стилистика. Эпизоды сватовства, предложения руки и сердца не предполагают раскрытия тайников душевной жизни персонажей. Их смысл – в обнаружении несостоятельности, пустоты, никчемности обоих участников при видимой заинтересованности и озвучивании пылких страстей и желаний.

Рассмотрим в качестве примеров у Гоголя эпизоды из повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» и пьесы «Женитьба», у Чехова «Предложение» и рассказ «Жених и папенька».

Гоголь дает нам возможность представить краснеющего Ивана Федоровича, которому «ни одна мысль не приходит на ум» и белокурую барышню, следящую глазами за кошкой: «Молчание продолжалось около четверти часа. Барышня все так же сидела. Наконец, Иван Федорович собрался духом. «Летом очень много мух, сударыня!» – произнес он полудрожащим голосом. «Чрезвычайно много! – отвечала барышня. – Братец нарочно сделал хлопущку из старого маменькиного башмака; но все еще очень много». Тут разговор опять прекратился. И Иван Федорович никаким образом уже не находил речи» (I, 305).

Преувеличенная робость, отсутствие тем для разговора делают эту любовную сцену не просто комичной, но карикатурной. Впечатление еще усиливается в следующем за этой сценой разговоре с тетушкой: «Вы совершенно в стыд меня приводите ... я еще никогда не был женат ... Я совершенно не знаю, что с ней делать!». И уж совсем потерялся Иван

Федорович, в холодном поту просыпаясь от жутких снов, где ему являлась жена то с гусиным лицом, а то и вовсе не человеком, а «какой-то шерстяной материей».

В «Женитьбе» ситуация сватовства и объяснения является центральной и определяет ход развития действия. Чуть более развернутым получилось «объяснение»:

Подколесин. Вы, сударыня, любите кататься?

Агафья Тихоновна. Как-с кататься?

Подколесин. Какое-то лето будет – неизвестно.

Агафья Тихоновна. А желательно, чтобы было хорошее.

Подколесин. Вы, сударыня, какой цветок больше любите?

Агафья Тихоновна. Который покрепче пахнет-с; гвоздику-с. (V, 50).

Взаимное удовлетворение «разговором», казалось бы, обеспечивает счастливую развязку. Она: «Какой достойный человек! Я теперь только узнала его хорошенько; право, нельзя не полюбить: и скромный и рассудительный». Он: «Мы переговорили обо всем, и, признаюсь, я очень доволен; с большим удовольствием провел время» (V, 52).

Так и не сумел Подколесин сам произнести нужные слова, все мямлил о «странном дельце», и пришлось за него сделать это Кочкареву. Гоголь продолжает розыгрыш. В порыве благодарности приятелю Подколесин обещает не только «век помнить услугу», но и «будущей весной навестить непременно могилу его отца» (V, 58).

Разыгравшееся желание героя ускоряет события («Хочу, чтобы сию же минуту было венчание!»), благо и невеста «давно готова». Однако страх перемены состояния оказывается сильнее и ожидания блаженства и представлений о приличиях, - и Подколесин бежит.

В чеховском «Предложении» автор обыгрывает подобную же ситуацию, уровнем интеллектуального развития герои схожи с гоголевскими. Не приходится говорить о бескорыстных человеческих чувствах: «Главное –

нужно решиться. Если же долго думать, колебаться, много разговаривать да ждать идеала или настоящей любви, то этак никогда не женишься...»⁴.

Насколько трудно идет разговор о «чувствах», настолько легко он переключается на бытовые вопросы. Спор о Лужках и собачьих прелестях ведется куда более горячо, почти страстно, искренне. Авторская насмешка – и в жажде справедливости героини: "Мне не дороги эти Лужки..., но меня возмущает несправедливость. Говорите, что угодно, но несправедливости я терпеть не могу", и в системе доказательств героя: «Бабушка моей тетушки отдала эти Лужки в бессрочное и безвозмездное пользование крестьянам дедушки вашего батюшки...»⁵. Из-за этих споров чуть не сорвался замысел сделать предложение.

Счастливый финал воспринимается как карикатура на любовное объяснение не только потому, что решающие слова говорит отец, но из-за обилия слов лишних, бессмысленных: «Женитесь вы поскорей и – ну вас к лешему! Она согласна! Она согласна и тому подобное. Благословляю вас и прочее. Только оставьте вы меня в покое!»⁶.

В сценке «Жених и папенька» Чехов обыгрывает предложение, уже целиком исходящее от отца. Задача предполагаемого жениха в данном случае – любыми доводами доказать свою несостоятельность. Он и пьяницей себя характеризует, и растратчиком, и беглым каторжником. Понимая, что нарушено всякое правдоподобие, остановиться уже не может и как за последний путь спасения хватается за идею своего сумасшествия.

Формально различные финалы любовных объяснений в произведениях Гоголя и Чехова близки по смыслу – и в тех случаях, когда женихи активны в поисках невесты, и когда они готовы сбежать в решающий момент. Развязки этих эпизодов воспринимаются как виток игровых ситуаций, которые развертываются перед читателем.

Одна из выигрышных игровых ситуаций – воспроизведение ссоры персонажей. Чаще всего повод для ее возникновения – случайный, незначительный, пустяковый. Однако герои настолько распаляют себя, что

пустяк может перерасти в разрыв многолетних приятельских отношений, а то и в бесконечные судебные тяжбы.

Классический пример подобной ссоры – у Гоголя в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», у Чехова в уже упоминаемом «Предложении». Разыгранные этапы ссоры не имеют ничего общего с мировоззренческими диспутами героев психологической прозы, где тоже возможны и непонимание, и взаимные обиды, и разрыв отношений.

В текстах, о которых пойдет речь, ссора персонажей помогает автору высветить круг интересов, уровень потребностей. Безуспешная попытка выменять понравившееся ружье завершается взаимными обвинениями и оскорблениями: «Поцелуйтесь с своею свиньей, а коли не хотите, так с чертом!» <...> «После разговору с вами нужно и лицо и руки умыть, и самому окуриться». <... > «Вы, Иван Никифорович, разносились так с своим ружьем, как *дурень с писанною торбою...*». <... > «А вы, Иван Иванович, настоящий *гусак*» (II, 236).

Гоголь дает себе волю и обыгрывает нечаянно брошенное слово. Писатель добивается комического эффекта включением слова «гусак» в письменную речь (заявление в суд), где подробно, с уточнениями «аргументируется» неправомерность данного «определения»: «Доказательством же дворянского моего происхождения есть то, что в метрической книге, находящейся в церкви *Трех Святителей*, записан как день моего рождения, так равномерно и полученное мною крещение. *Гусак* же, как известно всем, кто сколько-нибудь сведущ в науках, не может быть записан в метрической книге, ибо *гусак* есть не человек, а птица, что уже всякому, даже не бывшему в Семинарии, достоверно известно» (II, 249).

С массой деталей прописываются все мизансцены развивающейся ссоры, включая выражение глаз персонажей, жесты. Вспомним, к примеру, «разинувшую рот бабу», позу Ивана Ивановича «с поднятою вверх рукою, как изображались римские трибуны» (II, 238).

Нечто подобное можем заметить в чеховском «Предложении», когда любовное объяснение подменяется яростным спором о том, кому принадлежат Воловьи Лужи и чем замечателен пес Угадай. Чехов, как и Гоголь, не поспешил на краски в создании карикатурной ситуации с обмороками, сердечными приступами, которые не воспринимаются всерьез. А выглядят как игра с полной самоотдачей исполнителей. И здесь обвинения касаются не только конкретной личности, но «всего рода». И здесь звучит угроза суда: «Можете подавать в суд, милостивый государь, и тому подобное! Можете! Я вас знаю, вы только, вот именно, и ждете случая, чтобы судиться и прочее ... Кляузная натура! Весь ваш род был сутяжный! Весь!» <...> «Прошу не оскорблять моего рода! В роду Ломовых все были честные и не было ни одного, который бы находился бы под судом за растрату, как ваш дядюшка!»⁷.

Финалы в этих горячих ссорах разные. У Гоголя ситуация растянулась на годы, и, похоже, конца ей не будет. У Чехова накал обвинений гостя заставляет вспомнить о цели его визита и, соответственно, все кардинально меняется к «лучшему». Вместе с тем, именно разыгрывание ссоры помогает авторам высветить, кто чего стоит из его персонажей.

Далее рассмотрим ситуацию застолья. Каких только праздников ни изобразили Гоголь и Чехов! Мотив «еды» в их текстах – один из самых частотных. Мы остановимся на рассказах, в которых застолье «срывается». Сначала обратимся к гоголевской «Коляске».

В первой части рассказа читатель становится свидетелем генеральского званого обеда, для которого был «закуплен весь рынок», а перечисление приготовленных блюд и выставленных напитков занимает полстраницы. Этот парад изобилия собирается повторить на следующий день Пифагор Пифагорович Чертокуцкий, пригласив к себе и генерала, и господ офицеров.

Затем происходит характерная для гоголевских произведений ситуация, когда герой совершает поступки как бы нечаянно, как бы против воли: «...как-то так странно случилось, что он остался» (III, 184). Чертокуцкий после обеда начинает играть в вист, выпивает лишнее и домой ночью прибывает уже совсем

в непотребном состоянии. Очень изящно обыгрывает Гоголь эту неловкость, рассказывая, как он упал на кровать и «уложился возле своей молоденькой и хорошенькой жены»⁸.

Распорядиться об обеде хозяин, конечно, забыл и продолжал спать, когда явились гости на званый обед. Здесь уже автор обыгрывает не качество застолья, а возникший конфуз и попытку «выхода» из него. Чертокуцкий не находит ничего лучшего, как спрятаться от гостей в каретный сарай. Обманутые гости решают сами посмотреть коляску, которую им так разрекламировали накануне. В ней-то неожиданно и предстал их взору в неприличном виде хозяин дома.

В чем-то этот не состоявшийся обед перекликается с ситуацией рассказа Чехова «Свадьба с генералом». Повествование о свадебном застолье переключается на воспроизведение бесконечных реплик, восклицаний, воспоминаний генерала, приглашенного для «повышения статуса» мероприятия. Морские термины, названия частей судна радуют слух произносящего, он в упоении и не замечает, что испортил свадьбу. Автору не только «не пришлось» поведать о прелестях того, что было подано к столу, но он «вынужден» отметить, что «приближался уж конец ужина, а между тем не было сказано еще ни одного длинного тоста, ни одной речи». Обиженная хозяйка не выдерживает: «Генерал, а безобразите!»⁹.

Чем-то похожи и финалы этих рассказов. Может быть, спокойной интонацией, не очень сочетающейся с только что произошедшим недоразумением, конфузом. У Гоголя: «...генерал тут же захлопнул дверцы, закрыл опять Чертокуцкого фартуком и уехал вместе с господами офицерами» (III, 189). У Чехова: «Он встал из-за стола, засеменял в переднюю и, одевшись, вышел... Больше уж он никогда не ходил на свадьбы»¹⁰.

В художественном мире и Гоголя, и Чехова можно выделить эпизоды, в которых реализуется «деловой зуд» персонажей – стремление продать, обменять, подарить, устроить «сделку» - пусть самую невыгодную, нелепую. Явную переключку обнаруживаем между эпизодами из «Мертвых душ», когда

Ноздрев пытается продать Чичикову жеребца, или каурую кобылу, или пару собак, или – на худой конец – хоть шарманку, и рассказом Чехова «Дорогая собака». В нем поручик Дубов пытается продать приятелю свою собаку сначала за сто пятьдесят, потом за сто, за пятьдесят рублей. Забыв о том, как только что расхваливал ее охотничьи качества, проговаривается, что готов отдать хоть на живодерню.

В ходе развития «торгов» выясняется, что инициатору сделки важно продать все равно что, почти все равно за сколько. С потолка назначается цена, звучат уговоры, обиды. Героем руководит азарт игры куда сильнее, чем корыстные цели.

В любом произведении XIX-XX вв., где действие происходило в мире чиновников, в том или другом ключе звучит тема взятки, и воспроизводятся ситуации, в которых один берет, а другой (другие) дают взятки. Вместо публицистического развенчания разворачивается игровая ситуация, расписанная по секундам, по мельчайшим движениям и невысказанным страхам, надеждам, ожиданиям.

Вспомним в «Мертвых душах» эпизод в казенной палате: «Чичиков, вынув из кармана бумажку, положил ее перед Иваном Антоновичем, которую тот совершенно не заметил и накрыл тотчас ее книгою. Чичиков хотел было указать ему ее, но Иван Антонович движением головы дал знать, что не нужно показывать» (VI, 143-144).

Очень похожая ситуация у Чехова в рассказе «Справка». Почти как при замедленной съемке мы имеем возможность рассмотреть чиновника, не замечающего просителя. Поданный ему рубль ничего не изменил как слишком малая сумма: «Все не замечая Волдырева, чиновник поймал на губе муху, посмотрел на нее со вниманием и бросил. Помещик кашлянул и громко высморкался в свой клетчатый платок. Но и это не помогло. Его продолжали не слышать. Минуты две длилось молчание. Волдырев вынул из кармана рублевую бумажку и положил ее перед чиновником на раскрытую книгу.

Чиновник сморщил лоб, потянул к себе книгу с озабоченным лицом и закрыл ее»¹¹.

Оживает чиновник лишь после значительного увеличения «бумажки»: «Чиновник ожил, точно его подхватил вихрь. Он дал справку, распорядился, чтобы написали копою, подал просящему стул – и все это в одно мгновение. Он даже поговорил о погоде и спросил насчет урожая»¹².

Еще одна игровая ситуация возникает в эпизодах общения мелкого чиновника с вышестоящим. Этот мотив встречается и у Гоголя, и у Чехова. Он принципиально значим в развитии сюжета «Шинели», у Чехова звучит в «Смерти чиновника», «Толстом и тонком», «Хамелеоне». Как и в предыдущих случаях, сосредоточим внимание на том, как обыгрывает писатель ситуацию, как каждый из ее участников исполняет свою «роль».

В «Шинели» Гоголь демонстрирует нам незначительность «значительного лица». Акакий Акакиевич, который «заблаговременно почувствовал надлежащую робость», все-таки старался «собрать всю небольшую горсть присутствия духа» (III, 166), чтобы поведать о своем несчастье. Но и в его робких почтительных словах сумел генерал увидеть «буйство». Гоголь передает не только особенности звучания слов в этом «спектакле», но и их восприятие как совершенно потерявшимся Акакием Акакиевичем, так и распекающим его начальником: «Акакий Акакиевич так и обмер, пошатнулся, затрясся всем телом <...> В жизнь свою он не был еще так сильно распечен генералом, да еще и чужим...»; «А значительное лицо, довольный тем, что эффект превзошел даже ожидание и совершенно упоенный мыслью, что слово его может лишить даже чувств человека» (III, 167).

Чеховская «Смерть чиновника» перекликается с «Шинелью» трагичностью финала – смертью маленького чиновника. Но если Акакий Акакиевич вызывает сочувствие, то Червяков скорее отталкивает своей униженностью, нелепостью причины столь глубокого расстройства. Такое впечатление Чехов усиливает многократностью попыток героя все-таки извиниться. Именно повторы и обнаруживают бессмысленность самой

ситуации. Несоизмеримость причины и следствия явно отличается от многозначности финальных эпизодов «Шинели».

Чехов обыгрывает не только повышенную робость перед вышестоящим, но и попытки бунта. Герои-«бунтари» тоже выглядят достаточно жалко и нелепо. К примеру, в рассказе "Депутат, или Повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало" «протест» Дездемонова завершается утратой 25 рублей – не зря этот «результат» введен Чеховым даже в название рассказа.

Особенности игровых ситуаций, художественные пути выявления душевной пустоты, никчемности персонажей позволяют почувствовать внутреннюю близость Чехова и Гоголя и созвучие их произведений литературе постмодернистской. Они, подобно многим писателям-экспериментаторам XX века, вводят читателя в мир игры, в котором страсти, обиды, страхи разыгрываются на полном серьезе, но герои – марионетки, исполняющие роли чиновников, влюбленных, оскорбленных. При анализе этих произведений главное – понять замысел автора, а не выяснять «сатирическую составляющую», что делали с текстами Гоголя и раннего Чехова многие литературоведы советских лет.

¹ Семанова М. Чехов и Гоголь // Антон Павлович Чехов. Статьи. Исследования. Публикации. – Ростов-на-Дону, 1954.

² Чудаков А. Вещь в мире Гоголя // Гоголь: История и современность. – М., 1985.

³ Катаев В. Чехов плюс... Предшественники, современники, преемники. – М., 2004, с. 49.

⁴ Чехов А. Предложение // Чехов А. ПСС в 30 тт. Сочинения. – М.: «Наука», 1975-1978. – Т. 11, с. 316. В дальнейшем цитаты из произведений Чехова приводятся по этому изданию с указанием тома и страницы в скобках за текстом.

⁵ Чехов А. Указ.соч. т.11, с.319.

⁶ Чехов А. Там же, с. 330.

⁷ Чехов А. Там же, с. 322.

⁸ Чехов А. Указ.соч. т.3, с.185.

⁹ Чехов А. Там же, с.112.

¹⁰ Чехов А. Там же.

¹¹ Чехов А. Указ. соч. т.2, с.226.

¹² *Чехов А.* Там же, с. 227.